

М. КОЛЬЦОВ*

Человек из будущего (1923)

Там — натянулись туго обручи, готовые сию минуту лопнуть от рывка измученных людей в синих блузах, засаленных кепках. Раскаленные жарой, ждут циклона, благодетельной грозы, освежения и отдыха.

Здесь — холодное лето, невысохшие слезы дерев, смутный лик природы. Здесь, в России, тоже ждут циклона — другого. Тепла, жаркой рабочей страды.

И там, в тошные минуты отчаяния, и здесь, в радостные перемены труда, стирая пот со лба, чуть собрав мысли, замирают и, притихшие, думают о человеке, далеком и близком, о болезни человека незнакомого, но такого нужного и важного, того, на имени которого встречаются мысли всего человечества. Если слышат тревожное — темнеют лица и сжимаются руки. Если радостное, об улучшении — тогда распрямляется спина, ярче светят глаза.

Если бы можно было передать Ленину сил, здоровья, крови, он жил бы Мафусаилом неслыханной мощи и крепости. Пролетариат же всего мира, переливая вождю частицы миллионов жизней, не думал бы ни о загробном возврате, ни о земном возмещении.

* *Михаил Ефимович Кольцов (Моисей Хаимович Фридлянд, 1898–1940)* — советский писатель, публицист и общественный деятель, журналист, заведующий Иностранным отделом Союза писателей СССР. Член-корреспондент АН СССР (1938).

Разве не кровь самого пролетариата — кровь Ильича? Не рабочие мускулы — его мускулы? Не центральная узловая станция и главный стратегический штаб — мозг Ленина?.. Мы знаем:

1. Любит детей.
2. И котят.
3. Часто смеется.
4. Скромен в одежде и в образе жизни.
5. Хороший шахматист.
6. Любит кататься на велосипеде.

Это почти все. Еще немного, но не много знаем о нем. И что тут такого важного: любит детей! Мало ли кто любит детей!

Как это странно... Так ценим, так любим — и так мало знаем лично. У нас есть и институт Ленина, собирающий всякую бумажку с его пометкой, а сам Ленин-человек нами еще до сих пор полностью не изучен и не освоен до конца.

От какого-нибудь Наполеона у нас осталось впятеро больше торжественных фраз, поз, скрещенных рук, «исторических случаев», чем от живого, присутствующего Ленина.

И афоризмы ленинские тоже такие же скромные, как его пиджак. Простые, утилитарные, по стилю обыденные, не лезущие в одну книжку с Александром Македонским и королевой Викторией.

— Лучше меньше, да лучше.

— Долой революционную фразеологию!

— Поменьше политиков, побольше инженеров и агрономов!

Если мы будем подходить к великому человеку Ленину с такими же мерками, с какими подходят к обычным патентованным великим людям, мы не добьемся ничего. Мы будем ловить руками пустой воздух.

В том-то и вся поразительная суть, что Ленин — первый из «новой серии» великих умов и характеров, выдвинутых человечеством в начавшийся новый период социалистического переустройства мира. И выглядит он, этот первый из новой вереницы, совсем не так, как выглядели расфуфыренные фигуры старых гениев, подмалеванные поклонением буржуазных историков.

От Наполеона остались портреты, анекдоты, запыленные перчатки под стеклом музея. После Ленина останутся великие исторические перемены. И отчего? Именно оттого, что гений Ленина насковзь величественно утилитарен, глубоко сращен с его партией, классом и эпохой.

Попробуем взять, скажем, Петра Великого и отделить его от страны. Это не трудно. Можно себе представить другого, скажем, китайского Петра Великого, тоже у себя стригшего дворянам не бороды, а косы, толкавшего вперед отсталую страну, насаждав-

шого мореплавание, геометрию... Разве Мустафа-Кемаль в наши дни не повторяет жестов Петра, срывая феску со старой Турции?

Попробуйте взять отдельно Ленина. Исцарапайте себе до крови мозги — не возьмете. Ни за что не разберешь, где кончается личный Ленин и начинается его семья — партия, так же как трудно определить резкие грани там, где кончается партия и начинается пролетариат.

Ленин — это сложнейший тончайший аппарат, служащий пролетариату для его исторической миссии. Потому-то так грозен для врагов его облик, потому-то так прирос он к рабочему классу, потому и физически больно пролетариату, когда Ленин болен.

Отлично известно отношение партии к Ленину. Единственное в истории неповторимое сочетание доверия, благоговения, восхищения с дружеской, фамильярной спайкой, с грубоватой рабочей лаской, с покровительственной заботой матери о любимом сыне. В. И. Ульянов-Ленин — грозный глава Республики-победительницы, и Ильич — простой, близкий, старший брат. Не было никогда, нигде такой всесторонне сплетенной связи полководца с войском, политического вождя с единомышленниками.

Но интересно отношение к Ленину не только его партии, а широчайших кругов страны, массы обывателей, интеллигентов и мещан, сначала пошедших наперекор революции, хотевших слабыми руками повернуть поток вспять, а потом самих повернутых и потянутых революцией по течению ее.

Приезд Ленина в Россию был встречен ими диким взрывом озлобления. Сразу, общим фронтом, было предано широкой рекламной анафеме ленинское имя, еще несколько месяцев назад слабо знакомое обывательскому уху; каким широким радиусом разлилась тревога буржуазных и правосоциалистических верхов! Для них день 3 апреля, день приезда Ленина, был моментом чего-то трагически важного, непоправимого, того, что никак не должно было случиться и случилось.

Посмотрите буржуазные газеты и журналы второй половины семнадцатого года. Океан грязи, Монблан клеветы. Но как это, особенно теперь, кажется наивно, беспомощно! При всем напоре, при мобилизации всех запасов яда и злобы буржуазная кампания прессы против Ленина была юмористически беззуба. Ленин — запломбированный вагон, немецкие деньги. Ленин — агент германского генерального штаба, грабитель с большой дороги... Нечестивый узурпатор особняка балерины Кшесинской, враг своего отечества... Как вся эта слабенькая дребедень не затопила сурово-загадочного, предвещающе-грозного имени, а лишь увеличивала внимание и шум вокруг него!

Ведь буржуазные журналисты, желая по-настоящему испугать Лениным публику и восстановить против него, могли бы зычным голосом сказать гораздо более страшные слова.

— Это тот, кто зовет рабочих отобрать у вас ваши дома и фабрики. И волов ваших и ослов ваших! И белый хлеб и спокойное житье! Тот, кто заставит вас трудиться, чтобы есть, колоть дрова, чтобы не замерзнуть. Это тот, кто вывернет всю вашу жизнь наизнанку! Овчиной наружу!

Буржуазные газетчики не писали этих слов, ибо сами боялись увидеть их на бумаге, боялись услышать их, боялись даже мысленно представить себе все это.

И они отделялись болтовней о запломбированном вагоне, изо дня в день жевали детскую жвачку, еще более жидкую, чем барабанные стихи о Вильгельме-шельме, скреблись, как мышь безнадежно скребется о стекло. Взбивали грязную пену, бессильно болтавшуюся за волной, уже упруго вздымавшей Ленина и его дело.

Надо было устроить выставку этих предоктябрьских писаний, пасквилей и карикатур на Ленина. Был бы убедительнейший пример того, как абсолютно не прилипает, отваливается, как горох от стены, любая клевета от подлинно чистого и великого имени. Выставка была бы поучительна именно тогда, когда враждебная революции обывательская, мещанская масса так безоговорочно и категорически склонилась перед непререкаемым авторитетом, обаянием и чистотой личности Ленина.

Если рассматривать Ленина просто как человека, как Владимира Ильича Ульянова, если посмотреть следы жизни его в среде окружавших его современников, — все равно остается бодрое и радостное чувство.

Есть и было много крупных, даже великих личностей, объективно сделавших на своем веку много исторически ценного, важного, хорошего. Но часто это были сухие, мрачные, неприятные люди, колючие и нетерпимые в обращении, самонадеянные, самовлюбленные, гениально вздорные.

Ленин как личность был устроен гармонически. Величие мирового исторического Ленина нисколько не задавило и не ущемило человека и партийца Владимира Ульянова.

Отказавшись от мысли отрицать мощь и волю великого революционера, буржуазия пыталась исказить его личный облик. В описаниях наших врагов Ленин — мрачный фанатик.

Талантливый писатель-юморист Аверченко, превратившийся напоследок жизни в яростного белогвардейца, попробовал в сборнике «Дюжина ножей в спину революции» описать Ленина именно таким — гиперболическим разбойником.

Получилось очень смешно, но совсем не в том смысле, в каком рассчитывал развеселить читателя автор. Хохотал больше всех, читая о себе, сам Ильич. Он даже иронически расхваливал в «Правде» книгу Аверченко.

Что было смешно? Оказался глуп и смешон сам юморист, попавший со своим описанием пальцем в небо.

И любопытная штука. Мы проверили её, порывшись в эмигрантских книгах. После заметки в «Правде» Аверченко, переиздавая свой сборник рассказов, стыдливо выбросил рассказ о Ленине, заменил в дюжине этот неудачный свой «нож» другим, впрочем, не более острым.

Казалось бы, интересы рекламы заставляли белогвардейского писателя повторить свой рассказ, замеченный самим Лениным. А все-таки — на громадном расстоянии, через границы и фронт — Аверченко стало не по себе...

Зато буквально все настоящие описания и воспоминания о встречах, разговорах и работе с Владимиром Ильичей абсолютно совпадают в части производимого им лично впечатления:

- Очень живой человек...
- Общительный!
- Веселый!

Ведь Ленину пришлось вести свою партию через страшные боевые ущелья. Держать бойцов в огромном напряжении воли. Накалить их для ведения упорной кровопролитной войны.

И все-таки Ленин лично не ожесточался. Он так и остался от первой до последней страницы своей личной биографии добрым, отзывчивым, заразительно жизнерадостным человеком и товарищем.

Этот железный человек, на которого временами ложилась непередаваемая трагическая тяжесть решающих моментов революции (Брест, мятеж левых эсеров, польская война), не надламывался, не терял крепкого, бодрого, солнечного мироощущения. Пример для всех нас!

- Ильич расхохотался.
- Ильич улыбнулся.
- Ильич начал ругательски ругать, но под конец смягчился и добродушно высмеял нас.

Такие черточки встречаешь очень часто в воспоминаниях ближайших сотрудников Ленина о самых тяжелых, смертельно опасных днях.

Как забыть до сих пор звенящий в ушах ленинский смех на больших собраниях, когда он в горячий момент речи, с разбегу «обкладывал» противника хлестким словом и, зараженный хохотом зала, сам, остановившись, веселился по поводу сказанного!

Пусть никогда не присваивают себе напыщенно мрачные, высокопарно трагичные люди претензии на «высший революционный стиль», на образцовость коммунистического поведения. Живая, веселая простота величайшего из вождей уничтожающе говорит против них!

— С первого дня, пока не была устроена для меня отдельная комната, Владимир Ильич, проходя ночью в темноте, нечаянно задел меня ногой и взволнованно сейчас же спросил у своих: «Почему у нас Паша спит на полу?» Ему Елизавета Васильевна объяснила, что еще не успели приготовить для меня комнату и что скоро все необходимое будет сделано. На второй день мне отвели отдельную комнату с кроватью и постельными принадлежностями.

— Прежде чем дать какую-нибудь работу, меня обыкновенно спрашивали, могу ли я это сделать, а если я говорила «нет», меня учили, как это делать.

Это вспоминает о Ленине крестьянка Прасковья Мезина, та, что помогала стряпать семье Ульяновых в ссылке, та, которой на прощание хозяева пожелали «иметь двух дочек и двух мальчиков».

— На второй год нашего знакомства у меня родился сын, и моя жена стала просить Ульяновых «принять мальчика». Они не заставили себя долго просить и стали нашими кумовьями.

Надо было платить деньги за подати. Прихожу, бывало, к Владимиру Ильичу, еще ничего не успеешь сказать, а он уже почему-то догадывается, что я к нему пришел не так просто. «Ну, что? Поди, деньги нужны?» «Да, Владимир Ильич, ежели можно, выручите». «А сколько нужно вам?»

Это рассказывает о Ленине шушенский крестьянин Ермолаев, тот, кто ходил с ним на охоту стрелять куропаток, тот, кто подтрунивал над ним при промахах и радостно бежал подбирать подстреленную дичь.

— Наш новый пропагандист учил нас хорошо, с большим терпением. Любил шутки и сам их охотно принимал. В конце занятий бегал за хлебом и колбасой по двенадцати копеек фунт, в складчину. Готовили чай и вместе с нашим пропагандистом все это уничтожали.

Это вспоминает рабочий Малолетов, тот, кто учился на Васильевском острове в кружке Ильича двадцать пять лет назад.

Не с неба свалилось ленинское учение. Значит, все тома ленинских сочинений и все то, что на нашей планете приведено в движение этими томами, нанизано на стержень живой человеческой жизни.

И эта жизнь, стремительная зубчатка, не вращалась в книжнотеоретической пустоте, а цепко задевала за все, стоявшее на ее пути.

Весь мир навсегда узнал Ленина — революционера, ниспровергателя, мыслителя, созидателя социалистического государства, бойца, ученого, партийца, вождя и писателя. А за Лениным, неотделимо от него стоит Владимир Ульянов — живой, вечно активный открытый, общительный, остроумный и, главное, вполне доступный, понятный окружающим.

Как это характерно! Сколько ни перечитываешь всяческих буржуазных писателей о Ленине, особенно о его личности, натыкаешься всегда на одно и то же:

- Человек без сердца.
- Непонятная натура.
- Сфинкс.

А читаешь или слушаешь людей того класса, которому служил Ленин, — и никакого сфинкса нет, и Ульянов кажется таким ясным, таким цельным, выдержанным, понятным... Как он мог бы быть иным!

Прасковья Мезина из занесенного снегом сибирского села с лаской вспоминает, как оберегал Ленин ее труд и заботился о человеческих удобствах ее жизни. Чистенькому немцу-сапожнику Камереру с улицы Шпигельгассе в Цюрихе приятно рассказать:

— Он сам сделал вот эту полку для писем, чтобы почтальону не приходилось много бегать по лестнице. Он всегда заботился, мой жилец, господин Ульянов, о том, чтобы люди зря не бегали и не беспокоились. Он оберегал наш покой и заботился о нем.

Ульянов, который берег окружающих, был с ними заботлив, как отец, ласков, как брат, прост и весел, как друг, и деликатен до того, что в царские времена не отказывался от обычая кумовства, чтобы не обидеть крестьянина, — и Ленин, принесший неслыханные беспокойства земному шару, возглавивший собой самый страшный, самый потрясающий кровавый бой против угнетения, темноты, отсталости и суеверия. Два лица — и один человек. Но не двойственность, а синтез.

Те, кто, заблуждаясь в толковании жизненного пути революционера, дает волю анархическому наплевательству на окружающих, лжекоммунистическому заносчивому отношению к отсталым, темным, слабым, чванливому отмежеванию от реальной жизни, если они хотят быть ленинцами не только в служебные часы, от десяти до четырех, а целиком, во всей своей жизни, пусть пристально взглянутся в его человеческий и глубоко человеческий облик. Они поймут ясную, до улыбки простую вещь:

— Чтобы быть хорошим ленинцем в политике, неплохо быть ульяновцем в жизни.

Сначала враги Ленина признали его мудрость.

Потом его гениальную смелость, прямоту и беспощадность к предрассудкам чужим и своим собственным. Личный героизм.

Наконец его абсолютное всестороннее человеческое бескорыстие, чистоту до святости.

И это вбилося гвоздем.

В душно наэлектризованный вечер 8 марта 1923 года меня на улице остановил знакомый. Обыватель, мещанин, циник, вечный злопыхатель, открытый враг. В руке бумажный комок — «сообщение о здоровье председателя Совета Народных Комиссаров».

— Читали?

— Читал. А что?

— Как же теперь? Что же будет? Что же это? Как это?

— Будет, как было, не беспокойтесь. Но вам-то что до Ленина?

Он смутился, стали нехорошими глаза, но овладел собой и сказал мне тихо и просто:

— Сам не понимаю, как это прокралось ко мне. Только чувствую, что несчастье с ним было бы для меня личным горем. Да и для других вроде меня. Можете радоваться.

Такое, от таких же людей мы в ленинские дни слышали отовсюду. Люди, враждебно настроенные против революции, непримиримые к коммунистам, воздают ему великое признание, политическое и моральное. Отчего?

Разве Ленин был менее, а не более грозен с буржуазией?

Разве он был мягче, а не беспощаднее в тяжелом углублении революции и укреплении советской власти на спинах ее врагов?

Разве он выделялся своим «либерализмом» и миндальничанием, а не наоборот?

Нет, не оттого. От другого.

Оттого, что в Ленине даже враги его видят человека будущего, пионера оттуда, из мира осуществленного коммунизма — мира, который раньше или позже, с отсрочкой или без, но все равно наступит.

Со всей остальной партией, от рядовых коммунистов до крупнейших вождей, нашим врагам и «нейтральному» мещанину приходится сталкиваться с будничной борьбой на классовом фронте в ежедневных отчаянных стычках. Их повседневные противники солдаты неприятельской армии в многолетней, но обыденной борьбе.

Ленин отмечен для них праздничной печатью социальной справедливости, той, которую они в глубине души не могут отрицать.

Ленин среди коммунистов — действительно человек оттуда, из будущего.

Мы все — по уши в повседневном строительстве и борьбе, он же, крепко попирая ногами обломки старого, строя руками будущее,

ушел далеко вверх, в радостные дали грядущего мира и никогда от них не отрывался. Мы все помним, как рассердился Ленин, увидя где-то на митинге плакат «царству рабочих и крестьян не будет конца», как горячо подчеркивал он тогда переходную роль классов на пути к будущему неклассовому обществу...

Безупречный воин за мировую справедливость, человек из будущего, посланный заложником грядущего мира в нашу вздыбленную эпоху угнетения и рабства, — вот звание, категорически признанное всем человечеством за Владимиром Лениным при жизни его, на пятьдесят четвертом году.

Жена. Сестра (1924)

Десятилетиями партия видела две женские фигуры около Ленина. Жену. Сестру.

Издали, через путаницу границ, мимо глаз жандармов, в подпольные берлоги революционеров, тонко, неслышно, крадучись, проникали объемистые письма Центрального Комитета. Приказы, напоминания, предостережения, одобрения, ободрения.

Писал Ленин, шифровала, отправляла, пересылала Надежда Константиновна.

В волнах людей, стеклянных переплетов заводских сводов, на площадях, в вокзалах, с автомобиля неслась бурливая, волнующая скороговорка Ленина, а рядом с ним, скромно затерявшись в толпе, но не далее пяти шагов всегда дежурила, стерегла, берегла бедная шубка Марии Ильиничны.

Женевский отшельник стал вождем сотен миллионов трудящихся, правителем шестой части света. Его слова уже не шифруются химическими чернилами, не таятся зашитыми в одежду, их диктуют по радио всему миру, расклеивают как приказы, скрепленные мощью четырехмиллионной армии. Но жена, сестра не отделились ни на шаг. Только масштабы выросли, как в телескопе.

Надежда Константиновна учит Россию, безграмотную страну рабочих и крестьян, читать.

Мария Ильинична учит рабочий класс писать. Она вкладывает в перепачканную руку пролетария перо:

— Пиши о себе.

У нас так много толковали, чесали языки о коммунистическом быте, о семье рабочего и партийца, вычисляли, через сколько сотен лет придет проектируемый быт. Но вот, смотрите, коммунистический быт уже среди нас! Семья Ленина. Это так же изумительно, как Ленин. Это так же просто, как Ленин.

До конца, до последнего вздоха Ленина, до его прихода в Мавзолей Надежда Константиновна была, ни на миг не переставала быть — коммунисткой и женой коммуниста.

До последнего пути к кремлевской стене Мария Ильинична была, не переставала быть — коммунисткой и сестрой коммуниста.

Если болезнь притихала на полдня, на день, на два, уже Крупская — к письменному столу в Главполитпросвет, к бою с чудовищем российского невежества, уже Ульянова — на саянях, в мороз, трясясь в вагончиках Павелецкой дороги, скорей, запыхавшись, шапка съехала набок — в «Правду», в комнату рабкоров.

В эту звенящую в ушах неделю, когда смерть Ленина леденила нашу кровь, в Горках у постели, в последнем рейсе Ильича, в Доме Союзов, на Красной площади — поднимал глаза на прямую фигуру, на прямой взгляд жены, сестры и обрывал себя: «Молчи. Терпи!»

На Съезде Советов, в переполненном колодце Большого театра, когда стало тихо до суши в горле и вышла Надежда Константиновна, она сказала самое в эту минуту неожиданное, но самое простое и самое нужное.

Слова величайшей, самой благородной скромности не только в отношении смерти Ленина, его самого и его партии, но и самого рабочего класса. Слова о том, что роль рабочего класса в истории — не добыть себе сладкое житье, а быть борцом за освобождение всех угнетенных всего мира.

Над еще свежей могилой Ленина жена — и губы ее не дрожат — призывает не прославлять бессмертное имя трогательными, но шаблонными способами обычного чествования. Она указывает на простые, будничные — но великие, но реальные — дела, на то, что было так просто и так изумительно для коммуниста Ленина, ее мужа.

Владимир Ильич пришел к нам из будущего. Через наши головы он видел эту далекую страну. Край победившего и осуществленного социализма. Его семья — жена, сестра — тоже семья из будущего коммунистического мира.

Коммунистки и жены коммунистов! Не кивайте же туда, в пустоту грядущего, не откладываете на потомков! Ведь семья Ленина была с ним при жизни и смерти его — в наши дни, при вас.

Коммунисты, друзья, почитатели, последователи Ленина! Если вы когда-нибудь захотите занять свои уста пошлостью, голый благоговейной фразой, безответственным, добродетельным ханжеством, помните, помните, — на вас смотрят строгие глаза жены, сестры. Смотрят и твердят о делах.